

Л. Ф. Попова

Гений на фоне музейных будней
(к 100-летию со дня рождения
Ю. В. Кнорозова)

Попова Лариса Федоровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана, заведующая отделом; rem_larisa@mail.ru

Ю. В. Кнорозов начал свою профессиональную деятельность в отделе Средней Азии Государственного музея этнографии народов СССР (1949–1953). Для него это был промежуточный этап в научной карьере – задачей его жизни была дешифровка письменности майя и американистика, которой можно было заниматься только в Институте этнографии Академии наук, но вследствие «изъяна» в биографии – пребывание на оккупированной территории в 1941–1943 гг. – путь туда был закрыт. Свое основополагающее открытие Ю. В. Кнорозов сделал именно в период работы в Государственном музее этнографии народов СССР, хотя оно могло произойти и при других обстоятельствах. Поэтому службу ученого в музее следует рассматривать как самоценную работу по специальности с особой сферой профессиональной компетенции. Послевоенный восстановительный период работы музея был исключительно напряженным, потребовавшим от сотрудников полной самоотдачи. В составе коллектива сотрудников музея Ю. В. Кнорозов внес большой вклад в выполнение насущных производственных задач: обеспечение сохранности сотен экспонатов, переучет и описание музейных ценностей, упорядочивание архивных документов, строительство временных выставок и экспозиции «Туркмены XIX–XX вв.», формирование вещевой и фотографической коллекций, проведение лекционной работы и др.

Ключевые слова: Ю. В. Кнорозов, Государственный музей этнографии народов СССР, экспозиция «Туркмены XIX–XX вв.», этнографическая экспедиция, этнографическая коллекция, Ташаузская обл. Туркменской ССР.

В год 100-летнего юбилея Ю. В. Кнорозова, основателя советской школы майянистики, проблемы его творческого наследия находятся в фокусе внимания как исследователей разных специальностей,

так и широкой общественности. Биография Юрия Валентиновича исследована весьма глубоко¹. Закономерно, что большинство работ, освещающих его жизнь и деятельность, прежде всего касаются работы Юрия Валентиновича в Ленинградской части Института этнографии (с 1992 г. – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), где он прослужил большую часть своей жизни. Внимание исследователей привлек и этап профессионального становления молодого специалиста (в 1949–1953 гг.) в Государственном музее этнографии народов СССР (далее ГМЭ народов СССР) – ведь именно тогда ученый сделал свое основополагающее открытие. В статье Е. А. Долговой «Научный сотрудник Ю. В. Кнорозов в Государственном музее этнографии народов СССР» на основе документов из архива Российского этнографического музея (далее РЭМ) и других архивных источников впервые изложен очерк деятельности Юрия Валентиновича в ГМЭ народов СССР². Однако, к сожалению, статья оказалась несвободна от неточностей, а отдельные направления работы Ю. В. Кнорозова охарактеризованы слишком схематично. Вызывает возражения и тенденция в оценке характера его служебных обязанностей как «черной» музейной работы, которая была необходима ученому до поры до времени ради крыши над головой³ и трудовой книжки. Причина такого взгляда на предмет исследования кроется, вероятно, в том, что далекому от музейной работы специалисту сложно судить о критериях ее значимости.

Целью настоящего доклада является рассмотрение деятельности Ю. В. Кнорозова в ГМЭ народов СССР в контексте истории музея в послевоенный период и определение вклада Юрия Валентиновича в решение задач, стоящих перед коллективом музея в это время.

Данный подход ставит «вечный» вопрос, где же произошло открытие Ю. В. Кнорозовым принципа дешифровки письма майя, – на второе место. Внутренняя творческая работа талантливого человека, неуклонно идущего по пути своего призвания, происходит в любых жизненных обстоятельствах, о чем свидетельствуют и многие факты из биографии ученого. Однако, нельзя отрицать, что «гений места» может сыграть роль катализатора в вызревании творческой идеи или наступлении момента «озарения». С этой точки зрения вполне правомерно рассматривать историю выдающегося открытия сквозь призму деятельности Юрия Валентиновича в ГМЭ народов СССР.

Как известно, Ю. В. Кнорозов обучался на кафедре этнографии Московского университета (1945–1948), заведующим которой тогда являлся С. П. Толстов⁴, ставший научным руководителем талан-

тливому студенту и определившим тему его дипломной работы – «Среднеазиатская версия легенды о Самсоне», посвященной мазару Шамун-наби (Каракалпакская АССР). Основным источником для написания работы должны были стать полевые изыскания, поэтому Юрий Валентинович был включен в состав Североузбекского и Каракалпакского этнографических отрядов Хорезмского археолого-этнографической экспедиции, главой которой также являлся С. П. Толстов. По официальным данным, Ю. В. Кнорозов работал в экспедиции в течение двух полевых сезонов – в 1946 и 1948 г.⁵ Североузбекским отрядом руководила К. Л. Задыхина⁶, а Каракалпакским – Т. А. Жданко⁷. Экспедиционными сотрудниками Кнорозова из числа студентов были такие, ставшие в будущем выдающимися, исследователи, как Ю. А. Рапопорт, Н. П. Лобачева, Л. С. Толстова, Г. Е. Марков и др. Таким образом, профессиональное становление Юрия Валентиновича проходило под началом специалистов, составлявших цвет отечественной этнографической науки, а также в общении с увлеченными будущей специальностью сокурсниками. Изучая феномен мазара Шамун-наби, он приобрел важный опыт сбора полевого материала: провел опросы, методом включенного наблюдения изучил паломнические практики и шаманские радения. За время обучения Ю. В. Кнорозов овладел древнеегипетским, древнегреческим, узбекским языками, прослушал курсы «Этнография Азии», «История культуры Хорезма» и др.⁸

После получения диплома Ю. В. Кнорозов все же не рассматривал этнографию Средней Азии в качестве научной специализации, а стремился стать американистом, чтобы продолжить работу над дешифровкой письменности майя, которой заинтересовался еще после окончания школы⁹. В аспирантуру Института этнографии АН ему поступить не удалось, но не по причине слабой подготовки, а в связи с «изъясном» в биографии: в 1941–1943 гг. он находился на оккупированной территории¹⁰. В данных обстоятельствах для продолжения работы по специальности Юрий Валентинович, патронируемый С. А. Токаревым¹¹, обращается к директору Государственного музея этнографии народов СССР Е. А. Мильштейну с просьбой о приеме на работу в отдел Средней Азии. Так, в 1948 г. судьба привела Ю. В. Кнорозова в Ленинград, который навсегда останется городом его жизни. С. А. Токарев дал Юрию Валентиновичу хорошую рекомендацию, отметив, что за время обучения студент проявил «выдающиеся способности»¹².

Вполне очевидно, что в условиях острой нехватки квалифицированных кадров в послевоенное время молодой специалист-мужчина с блестящим образованием был хорошим приобретением для

музея. Директор Е. А. Мильштейн принял Ю. В. Кнорозова на работу, несмотря на «неудобный» факт его биографии. Именно тогда Е. А. Мильштейн не отказал в месте и Л. Н. Гумилеву, который уже был репрессирован¹³. Безусловно, что это была большая смелость на фоне усиления идеологического давления в 1948 г.: печально знаменитые постановления о журналах «Нева» и «Звезда», опале М. М. Зощенко и А. А. Ахматовой, а затем и первых арестов по «Ленинградскому делу».

Послевоенные годы для ГМЭ народов СССР стали сложнейшим периодом его истории, не считая военного времени: здание было частично разрушено, отсутствовали условия для хранения экспонатов, необходимо было восстанавливать производственные связи по всем направлениям музейной деятельности, требовалось как можно быстрее открыть музей для посетителей¹⁴. В 1948 г. к огромному объему восстановительной работы добавилась передача в ГМЭ собрания расформированного Музея народов СССР (г. Москва), которое в кратчайшее время нужно было поставить на учет¹⁵.

Ю. В. Кнорозов был зачислен в штат ГМЭ народов СССР 1 января 1949 г.¹⁶ с месячным испытательным сроком. После его окончания заведующая отделом Средней Азии М. В. Сазонова отметила, что «в составе отдела Средней Азии тов. Кнорозов Ю. В. будет весьма полезен»¹⁷. Она же сразу определила его специализацию по казахской этнографии.

Ближайшими коллегами Ю. В. Кнорозова стали А. С. Морозова¹⁸, М. В. Сазонова, С. М. Лейкина, Л. Н. Гумилев (до его нового ареста 6 ноября 1949 г.). Интересно, что со старшими коллегами Юрия Валентиновича связывали не только служебные отношения, но и научные интересы – они также специализировались в области традиционной культуры Хорезма. А. С. Морозова в 1947 г. защитила диссертацию «Рабство у туркмен и узбеков Хорезмского оазиса в XIX в.»; одним из ее официальных оппонентов был С. П. Толстов. С 1944 г. Анна Степановна являлась главным хранителем музея.

Заведующая отделом М. В. Сазонова была также заместителем директора по научной работе. Мария Васильевна изучала культуру узбеков Южного Хорезма, возглавляла Южноузбекский отряд Хорезмской экспедиции. В 1947 г. она защитила диссертацию «Крестьянство в Хивинском ханстве в XX веке».

Одним из первых заданий Ю. В. Кнорозова стало участие в подготовке выставки «Ковровые изделия народов Средней Азии», открытие которой состоялось в апреле 1949 г.¹⁹ Он проделал весь комплекс работ над выставкой – от составления тематического плана до методической разработки для экскурсоводов. Перед экспонированием была проведена очистка и дезинфекция ковров –

после эвакуации вещи вернулись не в лучшем состоянии. В отчете музея за 1950 г. отмечено, что Кнорозовым «просушено, переучтено и скатано в рулоны около 800 предметов (ковров и войлоков)»²⁰. Е.А Долгова почему-то относит этот факт к «курьезным случаям»²¹, но в реальности за этой цифрой стоит очень тяжелый труд ради сохранения культурного достояния, и каждый музейный сотрудник всегда считал такую работу своим первостепенным долгом. По сей день уход за вещами осуществляется вручную, хотя иные ковры под силу поднять и развернуть только 3–4 мужчинам. Конечно, по прошествии многих лет Ю. В. Кнорозов вспоминал о об этой работе с долей иронии²², но ее никак нельзя принимать за объективную оценку.

Изучение ковров могло пробудить ассоциативное мышление ученого, которое у него было очень развито, и вполне вероятно, как это ни парадоксально, что загадочный узор какого-нибудь ковра натолкнул Юрия Валентиновича на верную мысль об основе письменности майя.

В 1949 г. Ю. В. Кнорозов получил для разработки научную тему «Шаманство у казахов в XIX в.». Проблема шаманизма крайне интересовала исследователя, и в дальнейшем она станет базой его теории фасцинации²³. Возможно, что для конца 1940-х гг. тема шаманизма была довольно смелой, но московская школа этнографии активно изучала этот феномен²⁴, разумеется, под лозунгом борьбы с религиозными пережитками. Как куратору казахского направления Кнорозову был поручен также сбор материала для разработки экспозиции «Казахи». В связи с этим в сентябре – октябре 1949 г. планировалась его поездка в Южно-Казахстанскую область²⁵, но она не состоялась по причине отсутствия средств.

Документы фиксируют участие Ю. В. Кнорозова в 1949 г. в Хорезмской экспедиции²⁶, но она также не финансировалась музеем, и поэтому отчет об этой поездке отсутствует. М. В. Сазонова, как глава Южноузбекского отряда Хорезмской экспедиции, выезжала в 1949 г. в Кош-Купырский и Ханкинский р-ны Хорезмской обл. УзССР²⁷. Возможно, что она могла включить Ю. В. Кнорозова в состав своего отряда, но данные по этому вопросу пока не обнаружены.

Весной 1949 г. в журнале «Советская этнография» вышла из печати первая статья Ю. В. Кнорозова «Мазар Шамун-наби»²⁸, написанная на основе его дипломной работы. Безусловно, что солидная публикация в ведущем этнографическом журнале страны способствовала повышению научного авторитета молодого специалиста. Впоследствии Г. П. Снесарев, крупнейший исследователь религиозных реликтов Хорезмского оазиса, даст статье Юрия Валенти-

новича высокую оценку²⁹. В мае 1949 г. на научной сессии ГМЭ народов СССР Ю. В. Кнорозовым был сделан доклад «Пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса»³⁰, в котором он, скорее всего, изложил основные положения своей статьи. Утверждение Е. А. Долговой, что Ю. В. Кнорозов сделал доклад «Шаманство у казахов в XIX в.» в Географическом обществе и на отчетной сессии ИЭ АН³¹ – неверно, там со своим докладом выступала М. В. Сазонова³².

В свободное время Юрий Валентинович работал над переводом со староиспанского труда Диего де Ланда «Сообщения о делах в Юкатане». В 1949 г. вышла в свет книга Дж. Вайяна «История ацтеков»³³ и Ю. В. Кнорозов принимается за ее изучение.

В 1950 г. важнейшим направлением работы музея становится учетно-хранительская, в связи с чем был создан отдел учета и хранения. Штата этот отдел не имел – для его работы от каждого регионального отдела делегировались один-два сотрудника. В отделе Средней Азии таковым стал Юрий Валентинович. Именно этим объясняется сокращение его научной работы в 1950 г. – в плане музея имя Кнорозова в разделе «Научно-исследовательская работа» отсутствует. Зато в графе «Учет экспонатов» оно фигурирует на первых местах: за год ему нужно было описать, в частности, коллекцию музыкальных инструментов Средней Азии. В приказе от 5 ноября 1950 г. отмечена большая работа Ю. В. Кнорозова по переучету музейных ценностей и ему объявлена благодарность с занесением в личное дело³⁴. В составе музейной группы по учету памятников Юрий Валентинович трудился и последующие два года.

В 1950 г. отдел Средней Азии приступил к разработке концепции новой экспозиции «Туркмены в XIX–XX вв.». Автором прежней экспозиции, разобранной в 1941 г. в связи с эвакуацией музея, являлась А. С. Морозова. Она же возглавила работу новой бригады, в состав которой вошли С. М. Лейкина и Ю. В. Кнорозов. Плановые сроки открытия экспозиции были жесткими – вторая половина 1951 г. Создание экспозиции является наиболее сложным видом музейной деятельности, требующим больших знаний, умения мыслить образами, видеть познавательный потенциал экспонатов, учитывать перспективы образовательной работы на экспозиции. Для молодого специалиста это была очень хорошая школа профессионального развития, в особенности полезна практика составления тематико-экспозиционного плана (далее ТЭП), роль которого в конце 1940-х гг. возросла. Как отмечали Т. А. Крюкова и Е. Н. Студенецкая, «в довоенный период план являлся документом, в основном, внутреннего значения. С 1950-х гг. его рассматривали уже не только внутри музея, но и в вышестоящих

организациях: в Министерстве культуры РСФСР, а часто также на специальных совещаниях научных, партийных и советских организаций на местах»³⁵. В связи с этим требования к содержанию и оформлению ТЭП значительно повысились³⁶.

Между тем Ю. В. Кнорозов при поддержке С. А. Токарева прилагал дальнейшие усилия для поступления в аспирантуру Института этнографии. По направлению директора музея Е. А. Мильштейна он был допущен к сдаче вступительных экзаменов по основам марксизма-ленинизма, французскому языку и этнографии, сдал которые на «отлично». Для увеличения послужного списка Юрий Валентинович ходил на занятия в вечерний университет марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме ВКП(б). При этом в свободные часы он продолжал переводить труд Диего де Ланда, драму «Ольянтай» с языка кечуа, а также готовить рецензию на книгу Дж. Вайяна³⁷.

Прошение о зачислении Юрия Валентиновича в аспирантуру было подано в Президиум АН СССР 12 декабря 1950 г. В письме, составленном С. А. Токаревым, указывалось, что Ю. В. Кнорозов «пришел к самостоятельному построению общей теории иероглифики...»³⁸ Однако, несмотря на столь очевидные заслуги соискателя, обращение было вновь отклонено.

В конце 1950 г. руководство музея поручает Юрию Валентиновичу еще один сложный участок работы – упорядочивание документов архива, чтобы в ближайшее время сделать его доступным для научной и музейной работы³⁹.

Летом 1951 г. Ю. В. Кнорозов принял участие в Туркменской экспедиции ГМЭ народов СССР⁴⁰. Ее основные задачи состояли, во-первых, в пополнении туркменских коллекций, в особенности предметами современного быта, что требовалось для экспозиции «Туркмены XIX–XX вв.», а во-вторых, в обсуждении тематико-экспозиционного плана этой экспозиции в Туркменском отделении АН СССР. А. С. Морозова и С. М. Лейкина направились в Ашхабадскую и Марыйскую обл., а Ю. В. Кнорозов, знакомый с культурой Хорезмского оазиса, – в Ташаузскую. Разделение на два отряда позволяло увеличить масштаб исследований.

Для работы в Ташаузской обл. были выбраны г. Ташауз, колхозы им. Чапаева и «8 Марта» Куня-Ургенчского р-на, основное население которых составляли туркмены племени йомуд. Там Ю. В. Кнорозовым была сформирована коллекция (№ 6620), в состав которой вошли 20 предметов, 22 единицы хранения – это женский костюм, мужская обувь, хозяйственная и столовая керамическая утварь. Эту коллекцию можно рассматривать как редкую, имеющую высокую научную ценность, поскольку в РЭМ она

осталась единственной, характеризующей быт ташаузских туркмен середины XX в. Первая коллекция из этих мест была сформирована А. С. Морозовой в 1938 г. (16 предметов), ей же принадлежит сбор 1969 г. (5 предметов).

Как единый комплекс особый интерес в коллекции № 6620 имеет костюм замужней женщины: составной головной убор (тюбетейка, налобная повязка, головной платок, головная повязка), платье, штаны, сапоги. Приобретенная Ю. В. Кнорозовым глиняная утварь (сосуд для воды, маслобойка, два кувшина для масла, три блюда) изготовлена узбеками Хорезма. Поскольку сами туркмены гончарством не занимались, они издавна покупали керамику у своих оседлых соседей.

Опись коллекции, составленная собирателем, отличается точностью информации: приведены местные названия предметов, имена владельцев, их возраст, родовая принадлежность; указана манера ношения предметов одежды и названия орнаментальных мотивов.

Фотографическая коллекция (№ 8794) была сделана Ю. В. Кнорозовым в колхозе «8 Марта», имевшем хлопководческое направление. Им руководил Герой социалистического труда Бояр Овезов, в то время легендарный председатель, сделавший колхоз передовым. По некоторым данным, колхоз «8 Марта» входил в систему ГУ-ЛАГа⁴¹. Тематика этой коллекции отвечала задачам экспедиции: на снимках представлены образцовые улицы поселка, колхозные угодья, передовые труженики колхоза, их новый быт, в том числе наличие автомобилей. На одной из фотографий, предположительно, запечатлен сам Юрий Валентинович (фотокол. № 8794–19).

В конце 1951 г. Ю. В. Кнорозов сообщает С. А. Токареву о дешифровке письменности майя⁴². По всей видимости, все его свободное время поглощает работа над программной статьей по этой проблеме.

В 1952 г. внутренняя обстановка в ГМЭ народов СССР осложнилась в связи с работой проверочной комиссии, которая была направлена в музей в связи с доносом обвинением Е. А. Мильштейна и А. С. Морозовой в расхищении экспонатов. Специальная комиссия не нашла подтверждения обвинениям, но тем не менее директор получил строгий выговор за недостатки в «постановке дела учета и хранения музейных фондов» и в марте 1953 г. был уволен⁴³.

Можно догадываться, сколь тяжело было А. С. Морозовой выдержать это испытание, но она не прерывала работу бригады по строительству экспозиции «Туркмены XIX–XX вв.», вошедшей в самую активную фазу. Художником-оформителем экспозиции был

Ф.Ф. Бернштам, известный своими работами в кино. Экспозиция была открыта 6 ноября 1952 г. и получила высокую оценку как научной общественности, так и посетителей музея. С некоторыми изменениями эта экспозиция работала до середины 1990-х гг.

1952 г. стал одним из самых значимых в жизни Юрия Валентиновича Кнорозова. В журнале «Советская этнография» вышла его новаторская статья «Древняя письменность Центральной Америки»⁴⁴, сразу сделавшая его известным мировому ученому сообществу. В этом же году он женился на филологе-русисте Валентине Михайловне Самковой и покинул свои музейные «пенаты», переехав к супруге в коммунальную квартиру на Невском проспекте, д. 111.

После увольнения в марте 1953 г. Е. А. Мильштейна и.о. директора музея была назначена М. В. Сазонова, а и.о. заведующего отделом Средней Азии – Ю. В. Кнорозов⁴⁵.

«Гений места» ГМЭ народов СССР оказался благосклонным к Юрию Валентиновичу – в 1953 г. он знаменит, счастливо женат, успешен в карьере. Однако его ждала иная стезя – 1 сентября 1953 г. он перешел на работу в Ленинградское отделение Института этнографии. Научные направления его работы были переданы С. М. Лейкиной, а архив – П. И. Каралькину⁴⁶.

В заключение подчеркнем, что вклад Ю. В. Кнорозова в работу ГМЭ народов СССР в послевоенный восстановительный период был очень весом. Вместе с коллективом музея им были затрачены большие усилия для сохранения экспонатов, проведена огромная кропотливая работа по опознанию музейных предметов и сверке их наличия. Знания и эрудиция молодого специалиста были всецело востребованы в сложной и ответственной экспозиционной работе, проводимой в отсутствие достаточного количества научных этнографических разработок. На всех направлениях этой борьбы за сохранение культурного наследия страны Юрий Валентинович проявил себя человеком долга и совести.

---

¹ Ершова Г. Г. Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999)//Портреты историков: Время и судьбы/Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Л. П. Маринович, Л. Т. Мильская. Т. 3: Древний мир и Средние века. М.: Наука, 2004. С. 474–491.; Корсун С. А. Ю. В. Кнорозов: штрихи к научной биографии//Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г./Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 109–116.; Ершова Г. Г. Последний гений XX века: Ю. В. Кнорозов. Судьба ученого. М.: РГГУ, 2019; Корсун С. А. Превратности судьбы Ю. В. Кнорозова//Латинская Америка. 2019. № 1. С. 79–87.

² Долгова Е. А. Научный сотрудник Ю. В. Кнорозов в Государственном музее этнографии народов СССР//IX Кнорозовские чтения: Древние цивили-

лизации Старого и Нового света: Сб. тр. Междунар. Научн. конференции, 2–3 марта 2018 г., Москва/Сост. Д.Д. Беляев; отв. ред. Г.Г. Ершова. М., 2018. С. 93–102.

³ Ю. В. Кнорозов после приема на работу получил ведомственную жилую площадь на территории музея.

⁴ Сергей Павлович Толстов – заведующий кафедрой этнографии МГУ (1939–1952), декан исторического факультета МГУ (1943–1945), директор Института этнографии АН СССР (1942–1966).

⁵ Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее ХАЭЭ). М., 1949. Т. 1. С. 645.

⁶ Клавдия Леонтьевна Задыхина – сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (1936–1966), специалист по этнографии казахов и узбеков.

⁷ Татьяна Александровна Жданко – сотрудник Института этнографии АН СССР (1948–1989), специалист по этнографии каракалпаков.

⁸ АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 13–13 об.

⁹ Кинжалов Р. В. Из прошлого. Свято-Алексиевская пустынь. СПб.: Свято-Алексиевская пустынь, 2012. С. 212.

¹⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 11.

¹¹ Сергей Александрович Токарев – заведующий сектором Америки Института этнографии АН СССР (1943–1961), заведующий сектором народов зарубежной Европы (1961–1985), преподаватель кафедры этнографии МГУ, заведующий кафедрой этнографии МГУ (1956–1973).

¹² АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 15.

¹³ Л. Н. Гумилев был принят на работу 6 января 1949 г. Е. А. Долгова ошибается, говоря, что он был зачислен в штат несколькими месяцами ранее Ю. В. Кнорозова.

¹⁴ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за пятьдесят лет Советской власти//Очерки истории музейного дела в СССР. М.: Советская Россия, 1971. Вып. VII. С. 60.

¹⁵ Ипполитова А. Б. История музея народов СССР в Москве//Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 144–160.

¹⁶ Е. А. Долговой неверно указана дата приема Ю. В. Кнорозова на работу – 1 декабря 1949 г. См.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 93. Декабрь почему-то был сочтен ею месяцем испытательного срока, а затем названа правильная дата зачисления в штат (1 января 1949 г.). Испытательный срок нельзя проходить без зачисления в штат, он закончился у Ю. В. Кнорозова 31 января 1949 г.

¹⁷ АРЭМ. Ф. 2. Оп.3. Д. 97. Л. 16.

¹⁸ О А. С. Морозовой см.: Дмитриев С. В. Анна Степановна Морозова: к 100-летию со дня рождения. СПб., 2009.

¹⁹ Мильштейн Е. А. Государственный музей этнографии народов СССР//Советская этнография. 1950. № 1. С. 195–197.

²⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп.1. Д. 1044. Л. 61.

²¹ Долгова Е. А. Указ. соч. С. 96.

²² Там же.

²³ Фасцинация, по Ю. В. Кнорозову, «такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается», эффект повышения воздействия информации на поведение. См.: Кнорозов Ю. В. Избранные труды/Сост. и отв. ред. М. Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН, 2018. Именно этим свойством «завораживания» обладают, например, шаманские практики, зикры и танцы дервишей.

²⁴ Например, специальный семинар «Анимизм и шаманство у казахов» С. П. Толстов вел на кафедре этнографии МГУ.

²⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1022. Л. 11.

²⁶ Там же. Д. 1023. Л. 38.

²⁷ Полевые исследования Института Этнографии в 1949 г.//Советская этнография. 1950. № 2. С. 186.

²⁸ Кнорозов Ю. В. Мазар Шамун-наби//Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.

²⁹ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. С. 9.

³⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1023. Л. 39.

³¹ Долгова Е. А. Указ. соч. С. 97.

³² АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1023. Л. 38.

³³ Вайян Дж. История ацтеков/Под ред. и с предисл. В. В. Струве, примеч. и доп. Р. В. Кинжалова. Пер. с англ. М. И. Баранович. М.: Изд-во иностр. лит., 1949, с илл. и картами.

³⁴ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 97. Л. 19.

³⁵ Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Указ. соч. С. 64.

³⁶ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1070.

³⁷ Кнорозов Ю. В. [Рец. на кн.] Вайян Дж. История ацтеков/Под ред. и с предисл. В. В. Струве, примеч. и доп. Р. В. Кинжалова. Пер. с англ. М. И. Баранович. М.: Изд-во иностр. лит., 1949//Советская этнография. 1951. № 2. С. 223–226.

³⁸ МАЭ. К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 10–11.

³⁹ Подробнее см.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 99.

⁴⁰ Е. А. Долгова неверно указывает дату Туркменской экспедиции. См.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 97.

⁴¹ Об Б. Овезове см.: Электронный ресурс: URL: <https://centrasia.org/region2.php?st=1599422783>. Овезов Бояр (дата обращения 11.08.2022).

⁴² Ершова Г. Г. Последний гений XX века: Ю. В. Кнорозов. Судьба ученого. М.: РГГУ, 2019. С. 212.

⁴³ Долгова Е. А. О биографии одного сталинского управленца: Ефим Абрамович Мильштейн//Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 919–920.

⁴⁴ Кнорозов Ю. В. Древняя письменность Центральной Америки//Советская этнография. 1952. № 3. С. 100–118.

⁴⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 97. Л. 20.

⁴⁶ В ст. Е. А. Долговой неверно написана фамилия П. С. Каралькина. См.: Долгова Е. А. Указ. соч. С. 100.

L. F. Popova

A Genius in Among Museum Monotony
(100th Anniversary of Yu. Knorozov)

Popova Larisa Fedorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan; head department; rem_larisa@mail.ru

Yu. Knorozov started his career at The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, the Middle Asia department (1949–1953). For him, that was a transitory stage: his life's calling was deciphering the Maya scripts and American studies in general. That could only be done in the USSR Academy of Sciences Ethnography Institute, which he could not hope to join because of a “blemish” on his CV (Knorozov resided on occupied territories in 1941–1943). Yu. Knorozov made his seminal breakthrough precisely at the time of his employment at The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, although it could have happened under different circumstances. That is why his service at the museum should be viewed as an intrinsically valuable research work with a particular area of focus. The post-war restoration period was exceptionally difficult and required utter dedication from the staff. As a part of the museum workforce, Yu. Knorozov made a sizeable contribution to achieving the most pressing objectives: ensuring safety of hundreds of exhibits, inventorying and cataloguing the museum stock, systematizing archives, setting up temporary exhibitions and the exposition called Turkmen in the XIX–XX Centuries, forming collections of items and photographs, public talks, etc.

Keywords: Yu. Knorozov, The State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, “the Turkmen in the XIX–XX Centuries” exposition, ethnography expedition, ethnography collection, Tashauz Region, Turkmen SSR.